

УДК 801.73

DOI: 10.37482/2687-1505-V089

ПАВЛОВ Сергей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 120 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8622-9022>

А. АХМАТОВА. «ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. НОЧЬ. ПОНЕДЕЛЬНИК...»: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье описываются два лингвистических подхода к анализу художественного текста. Констатируется, что в современной лингвистике подход, ориентированный на язык, занимает гораздо большее место, чем лингвистическая герменевтика. Показывается, чем лингвистическая герменевтика отличается от лингвистического анализа художественного текста. Определяется исследовательская установка лингвистической герменевтики – предельное внимание к языку, при котором все языковые факты рассматриваются как потенциальные герменевтические проблемы. Обосновывается необходимость обращения к методологии лингвистической герменевтики при анализе не только заведомо сложных текстов, но и текстов, которые таковыми не выглядят. Формулируется главная задача лингвистической герменевтики художественного текста – способствовать максимальной объективизации процесса интерпретации языковых фактов как наиболее эффективного способа приближения к авторскому замыслу. На материале стихотворения А. Ахматовой «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» демонстрируются возможности лингвистической герменевтики. Приводятся некоторые интерпретации этого текста, предлагается собственное интерпретационное решение. Герменевтические сложности исследователей при работе с данным текстом и творчеством А. Ахматовой в целом объясняются тем, что религиозный аспект ее поэзии по известным причинам не был предметом пристального внимания советского литературоведения. Он попал в исследовательский фокус лишь в середине 1990-х годов. Сегодня можно утверждать, что без учета религиозных мотивов анализ ахматовского творчества будет не только неполным, но и неадекватным. Основной вывод статьи сводится к следующему утверждению: стихотворение «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» – феномен христианской (православной) эстетики, и адекватное истолкование данного текста должно включать эту установку.

Ключевые слова: лингвистический анализ художественного текста, лингвистическая герменевтика художественного текста, поэзия А.А. Ахматовой, герменевтическая проблема, христианские мотивы.

*Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1; e-mail: sergeypavlov70@mail.ru

Для цитирования: Павлов С.Г. А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»: опыт лингвистической герменевтики // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 70–80. DOI: 10.37482/2687-1505-V089

Введение. Поэзии А. Ахматовой посвящен обширный пласт работ как отечественных, так и зарубежных ученых [1–10]. Исследовательские подходы к ахматовским текстам разнообразны. В настоящей работе предпринята попытка толкования стихотворения «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» в рамках лингвистической герменевтики художественного текста (ЛГХТ). Актуальность обращения к данному тексту обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, он нечасто попадает в поле зрения исследователей; более чем в полусотне просмотренных нами лингвистических и литературоведческих работ, посвященных творчеству Ахматовой, места ему не нашлось. Во-вторых, все встретившиеся толкования различаются между собой, что самым непосредственным образом стимулирует исследовательский интерес.

Художественный текст обычно ориентирован на неспециалиста, но при этом он парадоксальным образом нередко скрывает свои смыслы от читателя. Даже относительно простой текст, как правило, порождает несколько взаимоисключающих трактовок. Это свидетельствует о том, что традиционное, «эстетическое» чтение оказывается явно недостаточным. Художественный текст требует чтения специального – медленного, аналитико-синтетического, с неоднократным хождением по герменевтическому кругу.

Лингвистический анализ художественного текста vs лингвистическая герменевтика художественного текста. Художественный текст интересует лингвистов как со стороны языка (и/или стиля), так и со стороны содержания. В соответствии с данными аспектами в отечественном языкознании сложились два направления исследования – лингвистический анализ художественного текста (ЛАХТ) и ЛГХТ. Иногда ЛАХТ неправомерно, на наш взгляд, называется линвогерменевтикой. Например, в работе Е.В. Ильиной «Опыт линвогерменевтического анализа текста...» [11] представлен именно ЛАХТ, т. к. никакой герменевтической интриги в анализируемом тексте не содержится.

ЛАХТ ориентирован прежде всего на язык и моделирование произведения как эстетического целого, преимущественно обращен к релаксационной, гедонистической функции художественного текста и призван показать, как возникает воздействующий эстетический эффект. Описание языковых фактов при этом может вообще не затрагивать проблемы понимания. Анализ содержательной стороны художественного текста в таком случае ограничивается выявлением семантики языковых единиц и их роли в репрезентации идейно-художественного содержания. Так, совершенно не касается содержательной стороны стихов А. Ахматовой стилистический анализ В.В. Виноградова, определенный автором как попытка описать «наиболее существенные приемы словоупотребления в поэтическом языке Анны Ахматовой» [12, с. 370].

Поскольку ЛАХТ во многом связан с эстетикой, в его текстовой модели значительное место отводится вкусу. ЛГХТ исключает «вкусовые суждения», пытаясь выразить содержание текста в терминах *ratio* (рациональности). Она подразумевает работу с информативной функцией художественного текста и представляет собой способ его толкования посредством лингвистического анализа. Одним из первых обратился к лингвистическому толкованию художественных произведений Л.В. Щерба, видевший его цель в показе «тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [13, с. 97]. В приведенной формулировке «идейное содержание» считается данным, а искомым оказываются его языковые репрезентанты. Однако смысл текста далеко не всегда вычитывается с помощью стандартной читательской компетенции. На наш взгляд, ЛГХТ должна исходить из противоположной установки: смыслы художественного текста непосредственно не даны и нуждаются в реконструкции.

Основные принципы лингвистической герменевтики художественного текста. В постнеклассической научной парадигме субъективный исследовательский плюрализм стал респек-

табельной практикой гуманитаристики [14; 15, с. 337]. Как реакция на предельно расширившийся диапазон интерпретаций, актуализируется читательский запрос на «истину» – тот инвариантный, независимый от исследовательского субъективизма смысл, который заложил сам автор. По своим исследовательским интенциям представляемая нами версия ЛГХТ близка литературоведческому «позитивизму» М.Л. Гаспарова, считавшего «нравственностью филологии» ее объективность: «Филология начинается с недоверия к слову. Доверяем мы только словам своего личного языка, а слова чужого языка прежде всего испытываем, точно ли и как соответствуют они нашим. Если мы упускаем это из виду, если мы принимаем презумпцию взаимопонимания между писателем и читателем, мы тешим себя самоуспокоительной выдумкой» [16, с. 99]. Попытка выяснить аутентичный смысл текста сближает ЛГХТ с занятой «прояснением мыслей» (Л. Витгенштейн) аналитической философией, выполняющей герменевтическую функцию по отношению к сложным философским текстам и социально-историческим феноменам [17–19].

Принципиальная возможность нескольких прочтений художественного текста, а следовательно, исследовательского субъективизма диктует повышенные требования к верификации интерпретационных гипотез. Объективной данностью для ЛГХТ является только текст в его языковой, образной и композиционной организации. Поэтому наиболее общее требование к гипотезе – указание на лингвистический маркер, позволяющий ее сформулировать. Субъективные логические основания интерпретации из инструментария лингвистической герменевтики должны быть исключены. Психологическая или иная другая достоверность принимается только в том случае, если заведомо отвечает постулатам здравого смысла и житейского опыта.

Лингвистическая реконструкция текстуальных смыслов способна сделать исследование

более строгим и прозрачным, а его результаты – более обоснованными и верифицируемыми. Конкурирующие гипотезы в ЛГХТ рассматриваются по двум критериям – текстуальным (языковые факты анализируемого текста) и экстратекстуальным (личность автора и социокультурные условия создания текста). Наиболее правдоподобной считается гипотеза, лучше коррелирующая с языковыми фактами и с биографическими данными. Для ЛГХТ биография автора менее значима, чем текстуальные свидетельства, поэтому при прочих равных условиях предпочтение отдается интерпретационной версии, более поддержанной языковыми фактами.

Лингвистическая герменевтика стихотворения «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...». Обычное чтение ахматовского стихотворения представляет относительно подготовленному читателю приблизительно следующую картину:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле¹.

Первые две строчки посредством ассоциативного потенциала лексем *ночь* и *мгла* создают определенный настрой читателя, чьи ожидания оправдываются второй частью строфы. Мрачноватые декорации ночного города служат психологическим фоном для пессимистических настроений героини.

Разумеется, буквальное прочтение слишком наивно и радикально. Лирика Ахматовой однозначно свидетельствует о том, что поэтесса и ее лирические героини признают существование любви. Вряд ли можно предполагать, что в данном стихотворении оно подвергается сомнению. Это, конечно, *poetica licentia* (поэтическая вольность), полемически заостренная против общепризнанного, раздражающего лирическую героиню в минуту ее любовного разочарования. Она не разуверилась в любви, а всего лишь скептически переосмысливает ее ценность. Для нее любовь как бы лишена онтологии –

¹Текст стихотворения цитируется по: [20, с. 58–59].

сочинена *бездельником* для легковверных людей. Об этом говорится во второй строфе:

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Томимые *скукой* или по *лености*, люди не взяли на себя труд проверить выдумку *бездельника* и некритически приняли ее.

В заключительной строфе доверчивым, заблуждающимся людям противопоставлены *иные* люди, для которых любовь не имеет привычной ценности:

Но иным открывается тайна,
И почит на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

Некоторые причастны к *тайне*, и на них *почит тишина*, которая оценивается героиней как *большая*, чем любовь, ценность. *Тишина* настолько притягательна и в то же время недосяжима, что для разочарованной героини она становится причиной состояния, по ощущениям сравнимого с болезнью.

Данная интерпретация выглядит вполне приемлемой, но она оставляет открытым вопрос референции слов *иные*, *тайна* и *тишина*. Таким образом, герменевтическая проблема заключена в трех вопросах:

- 1) какая *тайна* открывается некоторым людям?
- 2) кто эти *иные* люди?
- 3) какое состояние обозначено словом *тишина*?

Судя по расхождениям в толкованиях, стандартной читательской и даже литературоведческой компетенции для ответа на эти вопросы недостаточно. Рассмотрим несколько предложенных исследователями трактовок.

К. Чуковский писал: «Читая "Белую Стаю" Ахматовой, – вторую книгу ее стихов, – я думал: уж не постриглась ли Ахматова в монахини? У первой книги было только название монашеское: "Четки", а вторая вся до последней страницы пропитана монастырской эстетикой» [21, с. 208]. Стихотворение «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...», правда, оставлено им

без анализа. К. Чуковский только взял из него для выражения своего впечатления от ахматовского сборника фразу *почит тишина*: «...Во многих ее последних стихах говорится, что она как бы умерла для житейского, что погребенная заживо, она ждет Последнего Суда, что она стала бестелеснее усопших, что на ней почит тишина, что из ее памяти,

Как груз, отныне лишней,

Исчезли тени песен и страстей» [21, с. 210].

Общее впечатление верное, но интересующее нас стихотворение К. Чуковским не совсем правильно понято. Приписывание состоянию самой Ахматовой или ее поэтическому *alter ego* (поэтическому «я») *тишины* представляется ошибочным. Свою лирическую героиню Ахматова характеризует словом *больна*, что плохо согласуется с выражением *почит тишина*. Лирическая героиня признает, что не знала состояния *тишины*, пока *случайно* не *наткнулась* на эту *тайну*. Глагол *наткнуться* (совместно с наречием *случайно*) указывает на непланируемость полученного результата, а имплицитно – на внешний по отношению к субъекту характер *тайны*. Лирическая героиня в число *иных* не входит. Она наблюдатель, а не носитель *тишины*. И *больна* она, видимо, потому, что узнала нечто такое, чего в полной мере не в силах испытать.

В.В. Дементьев считает, что в этом стихотворении Ахматова обличает любовь, в которой «обыденность и заурядность правят свой пошлый бал» [22]. «Непредсказуемое» же чувство любви «существует для тех, кто пронизан токами иных предчувствий: им, этим иным, "открывается тайна, И почит на них тишина..." Правда, для лирической героини подобное признание – смертельно опасно» [22]. Толкование, считающее *тишину* «непредсказуемой» (надо полагать, подлинной) любовью, вызывает сомнение. Слишком диссонирует ассоциация «любовь – тишина» с самоощущением и поэтической традицией. Любовь сопряжена с сильными эмоциями и обычно описывается другими изобразительными средствами. Слово *больна* В.В. Дементьев понимает в его прямом

значении и даже диагностирует смертельный характер болезни, что текстуально никак не оправдано.

О.И. Рогов видит в стихотворении конфликт любовных стремлений и поэтического дара «высших сил»: «...Ахматова говорит о другом, высшем поэтическом предназначении, ради которого, собственно, высшие силы и вручили своему избраннику божественный дар»². *Иные* – это призванные к творчеству избранники, люди с «высшим поэтическим предназначением». К ним принадлежит и лирическая героиня, причина болезненного чувства которой заключается в «непреодолимом противоречии между двумя сторонами ее личности – божественным духом и женским естеством». Указание на языковые факты, свидетельствующие о том, что *тайна* заключается в «божественном даре» поэтического таланта, отсутствует. Не комментируется и значение слова *тишина*.

Итак, единства в понимании ахматовского текста нет, что вызывает необходимость более тщательного лингвистического толкования.

Композиционно-смысловым центром стихотворения является союз *но*, делящий его на две неравные части и противопоставляющий их друг другу в аксиологическом отношении. Двухчастная композиция создает две бинарные оппозиции, где первые члены оцениваются отрицательно, а вторые – положительно: *все* (–) *vs* *иные* (+); *любовь* (–) *vs* *тайна* (+) и, как следствие, *тишина* (+). Для наглядности представим данные оппозиции в виде лексической пропорции с неизвестными «знаменателями»:

$$\frac{\text{все}}{\text{иные}} = \frac{\text{любовь (земная)}}{\text{тайна / тишина}}$$

Уяснение общей семантико-аксиологической структуры стихотворения позволяет обратиться к герменевтическим проблемам по порядку их появления в тексте.

Обычно остается незамеченным то обстоятельство, что придаточное предложение первой

строфы *что бывает любовь на земле* допускает два варианта прочтения – как неакцентированной комплексной ремы (*бывает любовь на земле*) и диктальной ремы с логически акцентированным локативом (*бывает любовь ↓на земле*). В первом случае логический акцент, падающий на бытийный глагол *бывает*, практически десемантизирует существительное *земля* и сводит его функцию к плеонастичному обстоятельству места. Данное прочтение дает смысл ‘*бездельник сочинил, что любовь существует*’.

Второй вариант (*бывает любовь ↓на земле*) хотя и менее очевиден, но достаточно естественен: ‘*бездельник сочинил, что любовь существует и на земле*’. Конвенциональной импликацией такого прочтения будет смысл ‘(подлинная) любовь существует не на земле’. *Бездельник* не знал подлинной любви и *сочинил* вместо нее земное чувство между мужчиной и женщиной. В эту придуманную эрзац-любовь *все* и поверили, в то время как настоящая любовь локализована в противопоставленной земле сфере – без сомнения, на небе. Второе прочтение смотрится несколько более предпочтительным, потому что устраняет из текста не характерную для лексически отточенного идиостиля Ахматовой банальность плеоназма. Самое главное – второе прочтение задает альтернативную смысловую перспективу стихотворения. Герменевтическая задача заключается в проверке того, какое из прочтений находит большую поддержку в дальнейшем тексте.

Аналитическое толкование фраз *поверить со скуки* и *поверить от лени* обнаруживает аксиологически негомогенную природу приведенных причин. Отметим, что оба представленных ниже толкования контекстуально обусловлены: *скука* совместима с ленью, но в ахматовском тексте они взаимоисключены как члены дизъюнкции.

Фраза *поверить со скуки* имеет следующее аналитическое толкование: ‘*X поверил в Y со скуки*’ ≈ ‘*X испытывает жизненное неудовлетворение; X-у предлагают Y; Y не обладает*

²Рогов О.И. А.А. Ахматова. Лирика: избранное, анализ текста, литературная критика, сочинения. М.: Родин и Компания, 2004. С. 30.

высокой ценностью; удовлетворенный жизнью человек не выбирает Y; X думает, что Y избавит его от жизненного неудовлетворения; X выбирает Y'. Скука становится причиной доверия *бездельнику*, потому что земная любовь позволяет ее заместить.

Фраза *поверить от лености* имеет другую семантическую структуру: 'X поверил в Y от лености' ≈ 'X не испытывает жизненного неудовлетворения; X-у предлагают Y; Y не обладает высокой ценностью; обычно человек сразу не выбирает Y; обычно человек прикладывает усилия, чтобы найти Z, лучшее, чем Y; X не хочет приложить усилий, чтобы найти Z; X думает, что лучше иметь Y, чем прикладывать усилия к поиску Z; X выбирает Y'. Отказ от усилия имеет то же следствие, что и скука, но в данном случае причиной веры в земную любовь является, скорее, именно удовлетворенность личным положением вещей, препятствующая экзистенциальному поиску.

Лексемы *скука* и *леность* семантически асимметричны относительно двух прочтений фразы *бывает любовь на земле*:

– причина «скука» хорошо совместима с первым прочтением: 'неудовлетворенные люди поверили в земную любовь, потому что хотели избавиться от скуки';

– причина «скука» не совместима со вторым прочтением: 'неудовлетворенные люди поверили в земную любовь, а не в большую экзистенциальную ценность, потому что им было скучно';

– причина «леность» совместима с первым прочтением: 'удовлетворенные люди поверили в земную любовь, потому что поленились искать большую экзистенциальную ценность';

– причина «леность» хорошо совместима со вторым прочтением: 'удовлетворенные люди поверили в земную любовь, а не в большую экзистенциальную ценность, потому что поленились искать большую экзистенциальную ценность'.

Ахматова предлагает дизъюнкцию, в которой только один член совместим с логически акцентированным локативом *на земле*. Люди *от лености* не стали искать небесной любви.

Значит, необходимо следовать за коммуникативной перспективой этого прочтения, по логике которого *леность* должна носить духовный характер.

В прекрасно знакомом Ахматовой церковнославянском языке слово *леность* имеет специализированное значение – 'нерадение' [23, с. 290]. В церковных текстах под нерадением понимается прежде всего беспечность в отношении духовных предметов. Именно в этом значении слово *леность* употребляется, например, в утреннем молитвенном правиле: «...не даждь ми уснути во греховней смерти, но ущедрь мя, распныйся волею, и лежащаго мя в лености ускорив возстави, и спаси мя в предстоянии и молитве» (молитва № 2); «Темже молим безмерную Твою благодать, просвети наша мысли, очеса, и ум наш от тяжкаго сна лености возстави» (молитва № 6). Духовная леность и нерадение о спасении души могут связываться в пределах одного предложения: «Душе моя, что нерадиво живещи лентящися?» (Псалтирь, 3-й тропарь после 16-й кафизмы). При таком понимании *лености* ей противопоставляется не просто внутренняя работа, а духовное усилие как средство познания *тайны* и обретения *тишины*.

Трактовка *лености* как духовного нерадения определяет и референцию слова *иные*, понимаемого при первом прочтении как 'некоторые'. Местоимение *все* у Ахматовой семантическим эквивалентом квантора всеобщности не является, потому что среди *всех* оказываются *иные*. Логическое содержание кванторов и их языковых аналогов часто не совпадает, но данное логическое несоответствие все-таки обнаруживает дополнительную функционально-смысловую нагрузку слова *иные*. Включение в очень небольшом по объему тексте *иных* в число *всех* создает условия для дрейфа значения слова *иные* 'некоторые' в сторону значения 'избранные'. *Иные* лишь формально принадлежат *всем* (людям). *Иные* не столько некоторые из числа *всех*, сколько принципиально другие, не такие, как *все*.

В свете вышесказанного ясно, что под *иными* понимаются религиозные люди. Однако

религиозная героиня Ахматовой почти не знакома со случайно открывшейся ей тайной. Следовательно, местоименным субстантивом *иные* номинируются не любые религиозные люди, а носители особого состояния *тишины*. Возможно, что в слове *иные* под сигнальным значением неопределенности скрыто номинативное значение 'иноки'. Биографы могут выяснить, не предшествовало ли написанию стихотворения какое-либо духовное событие в жизни Ахматовой. У лингвистической герменевтики задача другая.

Может показаться странным включение в список вопросов, возникающих по прочтении стихотворения, проблемы установления значения слова *тишина*. Казалось бы, лексико-семантический вариант лексемы *тишина* точно соответствует второму значению слова: «О состоянии душевного покоя, умиротворенности, безмятежности» [24, стб. 495]. Однако, во-первых, сам по себе душевный покой вряд ли способен заменить человеку (тем более ахматовской героине) полноту жизни, которую он обретает в любовном чувстве; во-вторых, душевный покой вполне совместим с состоянием любви; в-третьих, словом *тишина* обозначен явно какой-то особенный, доступный лишь очень немногим людям опыт. Эти соображения здравого смысла поддерживаются лингвистическим маркером, указывающим на то, что в слове *тишина* реализовано религиозно-специфичное значение.

Слово *тишина* выступает здесь в роли семантического церковнославянизма с фразеологически связанным значением 'благодать (Божия)', т. к. выражение *почиет тишина* представляет собой синтаксическую аппликацию с конфессиолектным субстратом – фразеологическим сочетанием *почиет благодать* (*Святой Дух*). Приведем несколько литературных примеров, приближенных ко времени написания ахматовского стихотворения: *У меня все довольны, на всех благодать почиет* (Н.А. Тэффи. Моя летопись (1929)); *Этот бог должен*

выражать «радостность» его, Единственного, на котором почиет Дух святой (Н.И. Бухарин. Енчмениада (1920–1929)); *Хорошая у вас синагога, большая, красивая. Дух Божий почиет на ней* (С. Ан-ский. Меж двух миров (1914)); *На Афоне благодать почиет...* (Ал.П. Чехов. Антон Павлович Чехов – лавочник (1908)) [25]. В клишированном выражении Ахматова меняет лексический состав, но это не мешает заметить переключение на церковнославянский код.

В церковных текстах слово *тишина* употребляется таким образом, что позволяет богословски и лингвистически корректно замещать им позицию актанта при предикате *почиет*: «Страстей мя смущют прилози, многаго уныния исполнити мою душу; умири, Отроковице, тишиною Сына и Бога Твоего, Всенепорочная» («Канон молебный ко Пресвятой Богородице», песнь 1); «Молю, Дево, душевное смущение и печали моя бурю разорити: Ты бо, Богоневестная, начальника тишины Христа родил еси, едина Пречистая» («Канон молебный ко Пресвятой Богородице», песнь 3). (По [23, с. 338], *начальникъ* означает *виновникъ*, т. е. 'источник'.) Заметим, что Богородичный канон, читаемый каждым православным перед причастием, Ахматовой был, безусловно, знаком.

Возможно, церковнославянская семантика слова *тишина* связана с еще одним подтекстовым смыслом – преодолением страстных влечений плоти. В стихотворении «Настоящую нежность не спутаешь...» (1913) *тихой* Ахматова называет *настоящую нежность*:

Настоящую нежность не спутаешь

Ни с чем, и она тиха³.

Одухотворенный эрос *тихой нежности* противопоставлен плотоядности адресата стихотворения:

И напрасно слова покорные

Говоришь о первой любви.

Как я знаю эти упорные

Несытые взгляды твои!

На данном этапе анализа структурирующая изучаемый текст лексическая пропорция

³Текст стихотворения цитируется по: [20, с. 27–28].

получает свое окончательное решение. Слово *тайна* в стихотворении обозначает глубокий религиозный опыт, не сводимый к формально-ритуальному вероисповеданию. Скрытый коммуникативный посыл ахматовского текста заключается в формулировке духовно-нравственной дилеммы, варианты которой эксплицированы аксиологически полярными членами пропорции. В стихотворении Ахматовой благодать как энергичное проявление Бога образует антитезу земной любви. Благодать и есть та божественная любовь, которую, по своей духовной *лености*, не может обрести подавляющее большинство людей (*все*). Ограничивая свои потребности земной плоскостью, они не знают дарованного благодатью состояния *тишины*. Это лирическая героиня Ахматовой уже поняла. Но сама она еще не в силах отказаться от земных привязанностей, и открывшееся

знание (*тайна*) приносит ей не освобождение от страстей, а болезненное чувство собственного несовершенства (*все как будто больна*).

Таким образом, можно утверждать, что без учета религиозных мотивов анализ ахматовского творчества будет не только неполным, но и неадекватным. Стихотворение «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» – феномен христианской (православной) эстетики, и адекватное истолкование данного текста должно обязательно включать эту установку. Смысл стихотворения – не в дискредитации или в отрицании земной любви, а в указании на открывшуюся лирической героине любовь иного порядка, источником которой является имплицитно представленный в тексте Бог. Только божественная любовь дарит тем, кто духовно мобилизован и готов ради нее духовно потрудиться, благодатное состояние *тишины*.

Список литературы

1. Баруткина М.О. Мотив моления о чаше в поэме Анны Ахматовой «Реквием» // Грехневские чтения: литературное произведение в системе контекстов: сб. ст. междунар. конф. (Нижний Новгород, 15–17 ноября 2018 г.). Вып. 8. Н. Новгород: Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 11–18.
2. Галева Р.Р. Женские библейские образы в лирике Анны Ахматовой // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». 2016. № 11. С. 3961–3965.
3. Кожанова А.А. Функционирование образа кольца в рамках мотива брачных уз в лирике Анны Ахматовой // Русская литература глазами современной молодежи: сб. материалов междунар. студенч. науч.-практ. оч.-заоч. конф. Магнитогорск: Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2018. С. 116–120.
4. Моторин А.В. Православное направление в творчестве Анны Ахматовой (материал курса лекций) // Вестн. Новгор. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2017. № 2(100). С. 62–68.
5. Меньщикова А.М., Снигирева Т.А. Бег времени Анны Ахматовой: от личной сигнатуры до эмблемы поколений // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2019. Т. 21, № 3(190). С. 11–23. DOI: [10.15826/izv2.2019.21.3.043](https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.043)
6. Amert S. In a Shattered Mirror: The Later Poetry of Anna Akhmatova. Stanford: Stanford University Press, 1992. 274 p.
7. Dalos G. The Guest from the Future: Anna Akhmatova and Isaiah Berlin. London: John Murray, 1998. 250 p.
8. Feinstein E. Anna of All the Russias: The Life of Anna Akhmatova. London: Phoenix, 2006. 322 p.
9. Roberta R. Anna Akhmatova: Poet and Prophet. N. Y.: St. Martin's Press, 1994. 672 p.
10. Wells D.N. Anna Akhmatova: Her Poetry. Oxford: Berg Publishers, 1996. 192 p.
11. Ильина Е.В. Опыт лингвогерменевтического анализа текста: модальная партитура текста в начальной стадии развертывания (на примере анализа I акта «Макбета» У. Шекспира) // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании: Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуж. деятеля науки, проф., д-ра филол. наук Георгия Исаевича Богина (Тверь, 12 октября – 23 декабря 2018 г.). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. С. 142–150.

12. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой: (Стилистические наброски) // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 367–459.
13. Щерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–109.
14. Павлов С.Г. Субъективизм как норма и антинорма лингвистики // Вопр. филологии. 2016. № 3. С. 6–13.
15. Kiklewicz A. Активные процессы в терминологии современного языкознания // Prz. wschodn. 2020. Т. XI, № 1. С. 335–359.
16. Гаспаров М.Л. Филология как нравственность // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 98–100.
17. Brandom R.B. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. London: Harvard University Press, 2002. 430 p.
18. Glock H.-J. What Is Analytic Philosophy? Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 292 p.
19. Stroll A. Twentieth-Century Analytic Philosophy. N. Y.: Columbia University Press, 2000. 302 p.
20. Ахматова А.А. Избранное / сост., авт. примеч. И.К. Сушилина. М.: Просвещение, 1993. 320 с.
21. Чуковский К. Ахматова и Маяковский // Анна Ахматова: Pro et contra: Антология. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 208–235.
22. Дементьев В. Предсказанные дни Анны Ахматовой: «Если любишь – гори!» URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/dementev-predskazannye-dni/esli-lyubish-gori.htm> (дата обращения: 16.07.2020).
23. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. 1159 с.
24. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 6: Л–М. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. VII с., 1460 стб.
25. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.07.2020).

References

1. Barutkina M.O. Motiv moleniya o chashe v poeme Anny Akhmatovoy “Rekviem” [The Motif of “Let This Cup Pass” Prayer in Anna Akhmatova’s Poem “Requiem”]. *Grekhnnevskie chteniya: literaturnoe proizvedenie v sisteme kontekstov* [Grekhnnev Readings: A Literary Work in a System of Contexts]. Iss. 8. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 11–18.
2. Galeeva R.R. Zhenskije biblejskie obrazy v lirike Anny Akhmatovoy [Female Biblical Images in Anna Akhmatova’s Poetry]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept”*, 2016, no. 11, pp. 3961–3965.
3. Kozhanova A.A. Funktsionirovanie obraza kol’tsa v ramkakh motiva brachnykh uz v lirike Anny Akhmatovoy [The Functioning of the Image of the Ring Within the Framework of the Motif of Marriage Bonds in Anna Akhmatova’s Poems]. *Russkaya literatura glazami sovremennoy molodezhi* [Russian Literature Through the Eyes of Modern Youth]. Magnitogorsk, 2018, pp. 116–120.
4. Motorin A.V. Pravoslavnoe napravlenie v tvorchestve Anny Akhmatovoy (material kursa lektsiy) [Orthodox Spirituality in the Works of Anna Akhmatova (Lecture Course Material)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 2017, no. 2, pp. 62–68.
5. Men’shchikova A.M., Snigireva T.A. Beg vremeni Anny Akhmatovoy: ot lichnoy signatory do emblemy pokoleniy [The Flight of Time by Anna Akhmatova: Through Personal Signature to Generational Emblem]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 21, no. 3, pp. 11–23. DOI: [10.15826/izv2.2019.21.3.043](https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.043)
6. Amert S. *In a Shattered Mirror: The Later Poetry of Anna Akhmatova*. Stanford, 1992. 274 p.
7. Dalos G. *The Guest from the Future: Anna Akhmatova and Isaiah Berlin*. London, 1998. 250 p.
8. Feinstein E. *Anna of All the Russias: The Life of Anna Akhmatova*. London, 2006. 322 p.
9. Roberta R. *Anna Akhmatova: Poet and Prophet*. New York, 1994. 672 p.
10. Wells D.N. *Anna Akhmatova: Her Poetry*. Oxford, 1996. 192 p.
11. Il’ina E.V. Opyt lingvogermenevticheskogo analiza teksta: modal’naya partitura teksta v nachal’noy stadii razvertyvaniya (na primere analiza I akta “Makbeta” U. Shekspira) [Experience of the Linguo-Hermeneutic Text Analysis: The Modal Score in the Initial Stage of the Text’s Development (Exemplified by the Analysis of Act I of W. Shakespeare’s *Macbeth*)]. *Ponimanie i refleksiya v kommunikatsii, kul’ture i obrazovanii* [Understanding and Reflection in Communication, Culture and Education]. Tver, 2019, pp. 142–150.

12. Vinogradov V.V. O poezii Anny Akhmatovoy: (Stilisticheskie nabroski) [On Anna Akhmatova's Poetry: (Stylistic Sketches)]. Vinogradov V.V. *Poetika russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Poetics of Russian Literature: Selected Works]. Moscow, 1976, pp. 367–459.
13. Shcherba L.V. Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stikhotvoreniy. II. “Sosna” Lermontova v sravnenii s ee nemetskim prototipom [Experiments of Linguistic Interpretation of Poems. II. Lermontov's “Pine” Compared to Its German Prototype]. Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, 1957, pp. 97–109.
14. Pavlov S.G. Sub”ektivizm kak norma i antinorma lingvistiki [Subjectivism as a Norm and Antinorm of Linguistics]. *Voprosy filologii*, 2016, no. 3, pp. 6–13.
15. Kiklewicz A. Aktivnye protsessy v terminologii sovremennogo yazykoznaniya [Active Processes in the Terminology of Modern Linguistics]. *Prz. wschodn.*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 335–359.
16. Gasparov M.L. Filologiya kak nravstvennost' [Philology as Morality]. Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow, 2001, pp. 98–100.
17. Brandom R.B. *Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*. London, 2002. 430 p.
18. Glock H.-J. *What Is Analytic Philosophy?* Cambridge, 2008. 292 p.
19. Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York, 2000. 302 p.
20. Akhmatova A.A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 1993. 320 p.
21. Chukovskiy K. Akhmatova i Mayakovskiy [Akhmatova and Mayakovsky]. *Anna Akhmatova: Pro et contra: Antologiya* [Anna Akhmatova: Pro et contra: An Anthology]. Vol. 1. St. Petersburg, 2001, pp. 208–235.
22. Dement'ev V. *Predskazannye dni Anny Akhmatovoy: “Esl' lyubish' – gori!”* [Anna Akhmatova's Days Long Prophesied: “If You Love, Burn!”]. Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/dementev-predskazannye-dni/esli-lyubish-gori.htm> (accessed: 16 July 2020).
23. D'yachenko G. *Polnyy tserkovnoslavjanskiy slovar'* [Unabridged Church Slavonic Dictionary]. Moscow, 1993. 1159 p.
24. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 6: L–M. Moscow, 1957. VII p., 1460 cols.
25. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 22 July 2020) (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V089

Sergey G. Pavlov

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
ul. Ul'yanova 1, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8622-9022> e-mail: sergeypavlov70@mail.ru

ANNA AKHMATOVA. “THE TWENTY-FIRST. MONDAY. NIGHT...”: AN EXPERIENCE OF LINGUISTIC HERMENEUTICS

This article describes two linguistic approaches to literary analysis. It is stated that in modern linguistics, the language-oriented approach occupies a much larger place than linguistic hermeneutics. The paper shows how linguistic hermeneutics differs from the linguistic analysis of a literary text. Further, the research setting of linguistic hermeneutics is determined: utmost attention to the language, with

---

For citation: Pavlov S.G. Anna Akhmatova. “The Twenty-First. Monday. Night...”: An Experience of Linguistic Hermeneutics. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 70–80. DOI: 10.37482/2687-1505-V089

all linguistic facts being considered as potential hermeneutic problems. The necessity of turning to the methodology of linguistic hermeneutics is substantiated not only in the case of obviously complex texts, but also in the case of texts that do not look as such. In addition, the main task of the linguistic hermeneutics of a literary text is formulated: to contribute to the maximum objectification of the process of interpreting linguistic facts as the most effective way of approaching the author's intention. Using Anna Akhmatova's poem "The Twenty-First. Monday. Night...", the article demonstrates the possibilities of linguistic hermeneutics. Moreover, the author of this paper presents some interpretations of the poem and suggests his own interpretation. The hermeneutic difficulties faced by researchers when working with this text in particular and Akhmatova's oeuvre in general can be explained by the fact that the religious aspect of her poetry had, for obvious reasons, been overlooked by Soviet literary criticism and did not come into focus until the mid-1990s. Today it can be argued that without taking into account religious motifs, the analysis of Akhmatova's works would be not only incomplete, but also inadequate. The main conclusion of the article can be reduced to the following statement: "The Twenty-First. Monday. Night..." is a phenomenon of Christian (Orthodox) aesthetics, and an adequate interpretation of this poem has to take this into consideration.

Keywords: *linguistic analysis of a literary text, linguistic hermeneutics of a literary text, Anna Akhmatova's poetry, hermeneutic problem, Christian motifs.*

Поступила: 09.09.2020

Принята: 12.01.2021

Received: 9 September 2020

Accepted: 12 January 2021